

В. В. Тюленева

СЮЖЕТ О ПАЙТИТИ: современные и колониальные версии

Среди жителей Куско, вероятно, никому не нужно объяснять значение слова «Пайтити». Любой средний «кускеньо» знает, что Пайтити — это затерянный город, находящийся в сельве, где-то к востоку от Куско, где нашли укрытие инки, бежавшие от испанцев в эпоху Конкисты, и где спрятаны несметные сокровища. Иногда упоминается о некоем проклятии, тяготеющем над этим местом и препятствующем проникнуть туда.

Таков современный «городской» вариант сюжета о Пайтити. Он практически неизбежно оказывается первым, что попадает в руки при попытке заняться изучением темы. На его основе пишутся газетные и журнальные статьи и книги различных жанров, снимаются научно-популярные фильмы, где он обретает все новые формы и обрастает красочными подробностями. Сюжет о Пайтити как феномен городского фольклора Куско, безусловно, интересен сам по себе, но в данном случае наше внимание сосредоточится на его корнях, на весьма глубокой, сложной и почти неизученной фольклорно-исторической традиции, которая за ним стоит. При ближайшем рассмотрении она оказывается настолько разнородной, что как таковой «сюжет о Пайтити» постепенно растворяется перед глазами, остается одно лишь слово «Пайтити», да и оно по временам исчезает. Тем не менее, материал, который мы приводим далее, несомненно, является разрозненными частями одного континуума.

Выходя за пределы города Куско, в изобилии находим фольклор о Пайтити в сельской местности департамента Куско, в поселках и сельских общинах, к югу и северу от столицы, и в особенности к востоку, в районе провинциального городка Паукартамбо. Долина Паукартамбо — это граница между горами и сельвой, которая начинается в нескольких километрах к востоку. Согласно местным поверьям,

Пайтити скрыт где-то в этой сельве, особенно часто его помещают на территории Национального парка Ману (верхнее течение реки Мадре-де-Дьос).

Среди рассказов о Пайтити можно выделить два полярных варианта, различные по жанру. Первый из них имеет явный мифологический оттенок. В нем Пайтити — некое утопическое место (город из золота, реже страна), с явными сверхъестественными характеристиками, населенный инками, которые интерпретируются как мифологические персонажи. Во многих случаях Пайтити помещается вне реального пространства (см. тексты 1 и 2), в других версиях он связывается с реальными географическими ориентирами (см. тексты 3 и 4). Но в обоих случаях путь туда неизменно связан с некими обстоятельствами и препятствиями сверхъестественного характера и включает пересечение границы между обыденным повседневным пространством и «иным миром». Иногда рассказчики указывают, что Пайтити доступен только чистокровным индейцам, имеющим кровную связь с инками.

К сожалению, этот сюжет до сих пор игнорируется фольклористами. Далее приводим четыре текста, зафиксированные в 1970-х годах Энрике Урбано, единственный известный нам пример профессиональной публикации на эту тему (Urbano 1993).

(1) «Пайтити находится в самой сельве, в ее середине, в городе из чистого золота. Сторожат вход в город два льва, и потом есть два города/селения [pueblos] и море, которое нужно пересечь, чтобы добраться туда, где находится инка. [В] море есть большой город. Пересечь [море] можно верхом [a caballo] на двух тиграх. Когда остановишься, приходят тигры и пролезают у тебя между ног, и верхом тебя несут, и переносят тебя в одно мгновение. Они же переносят тебя снова [назад], опять через море. Но не каждый может туда дойти. Только крестьяне по рождению [netos], которые обладают физическими качествами и повадками инков, [имеют] волосы длинные до пояса, инкскую одежду, черную, тканую из шерсти, пончо и сандалии» (Там же: 294).

(2) «Город Пайтити — это большой город из золота, где добывается [se trabaja] золото. Там люди Божьи дети [hijos de Dios], полны удачи [sami]. Там находятся три правителя [jefes]: Кольярри, Инкарри и Негрорри [Kollarri, Inkarrí y Negrorri]. От них зависит жизнь всего мира, потому что они правят всеми судьбами» (Там же).

В данном варианте сюжет о Пайтити накладывается на эсхатологический миф об Инкарри (Инкарри — Inca Rey — Инка-Король). Инкарри — мифологический персонаж, продукт фольклорного совмещения нескольких исторических личностей, инка, убитый испанцами, который в будущем должен воскреснуть и вернуть Перу в «золотой век» эпохи инков (Ortiz 1973). В иных версиях этот персонаж в настоящее время жив и обитает в некоем тайном укрытии, в данном случае в Пайтити. Два других персонажа, Кольярри и Негрорри, это результат влияния но-

возветного сюжета о Трех Царях, как доказывает Энрике Урбано в цитируемой статье.

(3) «Чтобы увидеть Пайтити издали, говорят, нужно после Паукартамбо идти в сторону Акханаку [Akhanaku]. Оттуда виден высокий холм/гора, называемый Апу Каниуай [Apu Kanihuay]. Чтобы подняться на этот холм и увидеть Пайтити, нужно сделать хорошее приношение [despacho]. Если его не сделаешь как должно, не видать тебе Пайтити, даже не сможешь подняться на Апу, потому что не доходя до вершины начинается дождь, молнии, ветер, град. Апу всегда спускает того, кто считает себя храбрым, и пуше того иностранцев. И если доберешься без препятствий до вершины Апу Каниуай, он заволакивает все [вокруг] густыми тучами, и не можешь разглядеть горизонта. И так можешь провести дни и ночи, на самом Апу или вдаль от него, и он тебе ничего не даст увидеть. Поэтому важно сделать приношение» (Urbano 1993: 294–295).

(4) «Инки бессмертны. Живут [они] в Пайтити. Видно с холма Каниуай [Kanihuay]. Это очень высокий холм, и оттуда видна сельва Пайтити» (Там же: 293).

Второй вариант современного фольклорного сюжета о Пайтити можно скорее классифицировать как быль. В нем затерянный город — это древние руины, где находятся сокровища инков, в различных количествах в зависимости от темперамента рассказчика. Нарративную канву текстов, как правило, составляет рассказ о герое, обычно пастухе или крестьянине, который побывал там и вернулся, как правило, с вещественным доказательством своей находки. Иногда указывается, что герой сказочно разбогател за счет найденных сокровищ.

К сожалению, в специальной литературе этот тип сюжетов не представлен совершенно, что заставляет нас использовать текст, зафиксированный непрофессионалом. Приводимый далее рассказ изложен падре Хуаном Карлосом Полентини, священником Лареса, который собрал значительное количество весьма разнородной информации о Пайтити, от фольклора и фрагментов хроник до материалов собственных путешествий в его поисках, и опубликовал две книги на эту тему. Среди этой информации встречаем несколько повествований, разных по жанру, записанных со слов Аристидеса Муньиса, известного рассказчика историй о Пайтити. Муньис, которому на момент публикации его рассказов в 1979 году было 97 лет, всю свою жизнь прожил в окрестностях Паукартамбо, где сюжет о Пайтити циркулирует с особой интенсивностью. Далее приводим фрагмент одной из этих историй, повествующей о приключениях Флориана Льякты, пастуха из асьенды землевладельца Бедагурина. Муньис узнал ее со слов жены пастуха около 1905 года.

«Не прошло и двух или трех месяцев моего пребывания там (в Пасто Гранде), как появляется одна индейка и... — “Господин, добрый день, пришла с Вами поздороваться <...> Слушайте, господин, я была женой пастуха Бедагурина, Льякты, Флориана Льякты <...> пропал

скот, и если не найдет его мой муж [хозяин] хотел послать его в тюрьму, говоря, что мы им распорядились. И муж мой, отчаявшись, пошел искать, и шел по следу [скота] по инкской дороге. Спустился с холма. Эта дорога есть на самом деле. Нашел следы скота, пумы его гнали по всей этой дороге. Так дошел он до инкского поселения [roblacion], где не хватало только крыш у домов. Зато сокровищ было в изобилии. Нечто удивительное, и поскольку муж мой был уже очень слаб, не евши ничего, смог взять с собою только один кукурузный початок из золота и два черепа коров, которых задрали звери. Так что эти черепа несет он Бедагурину. — “Череп, господин, вот они, съели их [коров] звери, и еще я нашел двух коров живых и привел их, и чтобы Вы мне поверили, принес этот золотой кукурузный початок из того селения” — “Значит, добудь еще и возвращайся, чтобы уплатить мне полную цену скота”. И принес он что смог».

Завершив эту историю, рассказывает [Муньис], что Флориан Льякта поселился в одной асьенде в окрестностях Паукартамбо, возле Чальябамбы, некоего Флореса, но названия асьенды не помнит. Там он умер вследствие какой-то эпидемии. Индеанка, говорит старик, сказала ему, что холмы, по которым шел ее муж, и где берет исток река Чунчусмайо [Chunchusmayo], это Апу-Катинти [Apu-Catinti]» (Polentini 1979: 105–106).

Мотив «заблудившийся пастух» (*vaquero perdido*), который служит обрамлением рассказу, часто встречается как в «мифологическом», так и в «кладоискательском» вариантах сюжета о Пайтити, а также составляет часть ряда других сюжетов. Герой — бедняк, которого хозяин насильно посылает искать пропавший скот, и с которым в лесу происходят необычные (или сверхъестественные) события. Параллели этому сюжетному элементу, без сомнения, можно найти за пределами Южной Америки.

Приведенные выше версии сюжета о Пайтити относятся к департаменту Куско, Перу. Насколько нам известно, сходные варианты этого сюжета встречаются в Восточной Боливии и другие, существенно отличные, в Парагвае. Здесь мы не будем их обсуждать, за неимением должной информации, но отметим географическое распространение этого сюжета, обстоятельство, к которому вернемся далее.

Обратимся теперь к вопросу о происхождении этого сюжета. Его корни логично искать в колониальных хрониках. Тем не менее, в этих текстах упоминания о Пайтити не часты, а когда встречаются, то в совершенно ином контексте. Колониальный Пайтити — это топоним (название реки, холма и т. п.), которым в ряде хроник маркируется восточная граница империи инков. В иных случаях речь идет о некоей богатой стране, лежащей в амазонской сельве, к востоку от Анд, которая была обнаружена инками во время одной из восточных экспедиций. Инки завоевали ее либо основали там колонии, в обоих случаях она сохранила

полную автономию. После испанской Конкисты часть инков из Перу мигрировала в Пайтити, и их потомки продолжали безбедно жить там на протяжении всего XVII, а возможно, и XVIII века вдали от европейского влияния. В продолжение этого времени в документах встречаются ссылки на Пайтити как на живую, обитаемую страну. В XIX веке они исчезают. В качестве синонима названию Пайтити часто употребляется Мохос или Мусус.

Исторические исследования на эту тему столь же немногочисленны, как и работы о современном фольклоре о Пайтити. Пожалуй, единственный полновесный труд — это книга аргентинского историка Роберто Левилльера «Пайтити, Эль Дорадо и Амазонки» (Levillier 1976). Это издание вышло через несколько лет после смерти автора и представляет собою практически разрозненные материалы, систематизированные его родственниками. Тем не менее, его ценность несомненна. Главная заслуга Левилльера, на наш взгляд, состоит в использовании малоизвестных, но чрезвычайно интересных первоисточников. Из них наиболее важный для нас — это «Сообщения, сделанные Доном Хуаном де Лисарасу об открытии Мохос», документ Восточной Боливии, относящийся к 1636 году и представляющий собою свидетельства нескольких человек, участвовавших в экспедициях в поисках Пайтити или располагавших иной ценной информацией по этому вопросу (Lizarazu 1906). Левилльер включил в свою книгу фрагменты из этого документа, но большое количество ценной информации оставил без внимания. Поэтому обратимся непосредственно к первоисточнику.

Наиболее полное и подробное сообщение о Пайтити из всех известных нам на данный момент, которое помещено в документе на первое место, принадлежит священнику Диего Фелипе де Алькайя. Насколько можно понять из текста, оно было записано Алькайей со слов его отца, конкистадора Мартина Санчеса де Алькайяги. Алькайяга, в свою очередь, получил эти сведения от Дона Карлоса Инки. Этот последний, по словам Левилльера, был сыном Паулью Инки, представителя индейской аристократии, поддерживавшего сторону испанцев. Это редкий случай, когда имя информанта известно с такой точностью. Из сообщений других лиц, которые приводятся в документе, можно заключить, что рассказ Алькайяги был широко известен в то время. Так, в сообщении Лоренсо Кабальеро встречаем слова, приписываемые им Гонсало Солису Ольгину: «...И для меня, который потратил цвет своих лет со всеми Губернаторами и Капитанами, которые предпринимали попытки открыть [эту землю], ведомые сообщением, которое Дон Карлос Инка дал Мартину Санчесу Алькайяге...» (Там же: 171—182). Возможно, эта версия послужила основой для многих других и создала Пайтити его широкую славу. Далее, учитывая ценность этого сообщения, мы приводим полный перевод той части текста Алькайяги, которая относится к Пайтити.

«Подлинное сообщение [relacion], которое Падре Диего Фелипе де Алькайя [Diego Felipe de Alcaya], Священник Матаки [Mataca], послал Его Превосходительству Господину Маркизу де Монте Кларос, Вице-Королю этих Королевств, основанная на [sacada de] сообщении, которое оставил [dexo hecha] Капитан Мартин Санчес де Алькайяга [Martín Sánchez de Alcaayaga], его отец, как первооткрыватель и завоеватель Губернаторства Санта Крус де ла Сьерра и первопоселенец, который с большой аккуратностью и ученостью записывал все, что приключилось в процессе его открытия; и в особенности о Богатой Земле [Tierra Rica], которую Манго Инга [Mango Inga], второй Капитан с этим именем, имеет в своем подчинении [tiene conquistada], которой ныне счастливо владеет, благодаря ее великому изобилию, называемой Пайтитти [Paytitti], где были открыты всевозможные металлы, включая самый светлый из них, каковой есть золото, добывается жемчуг в озере, которая находится у подножия [sine por una falda] холма Пайтитти, добываются камни всевозможных цветов и большой ценности <...>

...Инга из Куско послал своего племянника Манго Ингу, второго носящего это имя, на завоевание Чунчос [Chunchos], дикого народа [gente caribe], который занимает все склоны Куско, Чукиаго [Chuquiago] и Кочабамбы [Cochabamba]. Каковой вступил [туда] с восемью тысячами вооруженных индейцев, ведя с собою своего сына; и благополучно достиг равнин этой кордильеры [хребта], которая составляет единое целое с кордильерой Санта Крус де ла Сьерра [Sancta Cruz de la Sierra], хотя имеется множество земель и больших рек, которые спускаются с этих хребтов, и множество болот и заливных низменностей. Каковой также имел титул Короля [Rey] всех провинций, которые он завоеует; и он не желал оставаться и обосновываться так близко от Инки Куско, потому что тот отнял бы у него завоеванное им, как сделал с Королями Умагуака [Umaguaca], Чили и Кито, после того как они покорили и усмирили эти племена, [Манго Инга] мужественно решил пройти со своими людьми все трудности, какие могли возникнуть, когда он удалится от своего дяди [Инки в Куско], подвергаясь величайшим лишениям, [продвигаясь] по течению бурных рек, стремительных и глубоких, к чему следует прибавить местных жителей [naturales], которые каждый день появлялись при оружии, дабы защитить свою землю; [Манго Инга] разрешал эти затруднения подарками серебряных полумесяцев [medias lunas de plata] для ношения на голове и иных ценных вещей, благодаря чему местные жители этих равнин оказывали ему услуги, предоставляя лодки [canoas] для плавания по многоводным рекам, каковые многочисленны и велики, и приводили к нему своих дочерей, чтобы те ему служили, и снабжали этого Капитана всеми необходимыми припасами маиса, юки и арахиса.

И достигнув большой реки Гуапай [Guapay], на берегу которой основаны два города, Сан Лоренсо и Санта Крус, прошел немногим более ста

лиг вниз по течению от этих городов, не потеряв ни единого индейца, поскольку местные жители уже его знали, и поскольку он не желал оставаться в их селениях, дали ему множество лодок, в которых он отправился на Северо-Восток [entre Norte y Oriente]. И, дойдя до другой многоводной реки, которая местами достигает лиги в ширину, называемой Манати [Manatí], которая течет у подножия другого длинного хребта, построил со своими людьми плетеный мост, сочтя место подходящим, каковой [мост] существует по сей день, будучи подновляем каждый год, и место это самое узкое, где можно легко перейти на другую сторону, где поставил этот великий Господин [gran Senor] каменного барана [ламу], в качестве печати и знака начала своих Владений [Reyno].

И после того как перешли все его люди [на другой берег], поднялся на хребет, который имеет [в ширину?] немногим менее лиги, думая, что, поскольку имеется подъем, должен быть и спуск. А с высоты видно [se save], что это в основе своей горная равнина [la mas es grassa], вся одинаковой высоты, с исключительным климатом; есть на этой равнине рощи [yslas] фруктовых деревьев, есть туговые и дубовые рощи, деревья [как в] Испании, множество ручьев с веселыми водами. Там нашел [Манго Инга] бесчисленные провинции с разными народами, людьми опрятными, чьи города окружены фиговыми деревьями, которые приносят белые фиги, и [есть] чистые дороги, пятнадцати футов в ширину, люди одеты в хлопок и трудолюбивы; и без каких-либо трудностей и без вооруженного сопротивления [sin tomar armas] приняли этого счастливого Короля [Rey] и признали его Господином [Senor] вплоть до сего дня; и по суждению лотманов [pilotos] это Королевство имеет более тысячи лиг в длину и четыреста в ширину. И, исходя из расположения земель, [Манго Инга] заселил обратную сторону холма, называемого Пайтити [Paititi], где, по рассказам индейцев Гуарани [Guaranies], которые позже пришли сюда, чтобы встретиться с этим могущественным Господином, в этом холме находят выходы серебра [plata corrida], и там добывают металл, и очищают его и плавят, и получают чистое серебро. И так же как здесь, в Куско, была [прежде] глава этого Королевства [Reyno], так теперь она находится в этом Великом Королевстве Пайтити, называемом Мохос [grandioso Reyno el Pytiti, llamado Mojos].

И положив основание новому городу, каковой был главным [городом], который имел здесь Инга, потому что этот счастливый Король не разделил своих людей, а всегда поддерживал их единство [la tuvo en un suegro], и обезопасив сперва свое Королевство насколько было возможно, переселяя [людей] с места на место [mudando unos de una parte a otra], [Манго Инга] отправил своего сына Гуайнаапока [Guaунаарос], что означает на их языке маленький Король [Rey chico] или молодой Король, чтобы тот дал отчет о завоевании своего отца своему дяде Инге; и не послал ему ни серебра, ни золота, ни иных ценных вещей [cosa que oliese a estima], чтобы тот не отнял у него всего того, что стоило ему столько

пота и усилий, прежде доверил ему [своему сыну] секрет Богатой Земли [Tierra Rica], сказав ему, что если он хочет быть господином [Senor] всего что видел, то должен сказать Инге, что нашел только тот холм свинца [cerro de plomo], каковой есть Пайтити, потому что «titi» на их языке означает свинец, а «рау» — тот; и то же самое поручил пятистам индейцам, которых дал ему из своих [людей], чтобы те служили ему по пути в Куско, и наказал им привести своих жен и детей [из Перу], и тетюшек и мать своего сына, и женщин, которые были с ним [que con el quedavan], и [велел] сказать Инге, что поскольку те земли были как нельзя более пригодными для земледелия и разведения животных, он заселил их, и чтобы прислали ему овец [лам] и семян этой земли [Перу], и [велел сказать] что все богатства находятся на склонах [en las faldas de] Куско, поскольку вправду добывают в наше время золото в Карабайе [Carabaya], Симако [Simaco] и других местах.

Когда прибыл маленький Король в город Куско, нашел страну [в подчинении] Гонсало Писарро, а своего дядю в заключении после / из-за смерти Короля Китто [Quitto], и другого Ингу, укrywшегося в Вилькабамбе [Vilcabamba]. И при этих чудесных обстоятельствах, призвал он [Гуайнаапок] от своего имени и [от имени] индейцев, которых привел с собою, чтобы следовали за ним в новую землю, которую открыл его отец, называемую Мококальпа [Mocosalpa], искаженное испанское наименование, которую ныне называем Мохос [Mojos], так что, учитывая новости об испанцах, долго уговаривать не пришлось [poco fue menester]. Последовали за Гуайнаапоком до двадцати тысяч индейцев, хотя по мнению индейцев Куско, ушло [с ним] гораздо больше народу, чем укрылось в Вилькабамбе со своим Королем, который превратился в могущественного [правителя] своих людей; вели с собою большое количество скота [своей] земли и серебряных дел мастеров, и по пути подчинял добром равнинных аборигенов, и вел их с собой до плетеного моста, каковой находится на реке Манатти, которая течет от своего истока двести лиг с Юга на Север и впадает в эту реку Варранка [Varranca]; и на другой стороне реки Манатти их оставил [поселил], не дав своему отцу понятия о столь важном предмете. И дошел до Пайтити, где был с большой радостью встречен своим отцом и [его] солдатами, и их веселье удваивалось от [сознания] безопасности их Королевства, благодаря пленению Короля Куско Маркизом Доном Франсиско Писарро.

И, не теряя времени, старый Манго Инга отправился расширять [свои владения], подчиняя страну и заселяя ее своими [людьми], обучая местных жителей обрабатывать землю и добывать серебро, и золото, и жемчуг, и ценные камни всех цветов; этих [камней] Дон Лоренсо Суарес де Фигероа [Lorenzo Suarez de Figueroa], бывший Губернатор, послал Совету, в доказательство этой истины, и, как рассказывают индейцы провинции Парети [Pareties], видели они, как достают из того

озера жемчуг, и в высоких холмах цветные камни, и что видели, как восходит солнце из этого озера и садится в него, из чего можно заключить, что это не озеро, а море Севера.

Имеет этот великий Господин в подчинении большие провинции, которые служат ему с любовью, потому как народ этот послушный и верный; имеет великие сокровища, и то, что добывает, хранится в домах, наподобие храмов, с хорошей охраной. Посещает своих идолов, которым каждый месяц, во время убывания луны, приносит [в жертву] ребенка двух лет, какового он самолично обезглавливает, и кровь невинного собирает и хранит [guarda]; и также убивает барана той земли [ламу], самого красивого, и извлекают из него жир, в какой льют, смешивая, кровь невинного, и он [правитель] своими руками кропит сперва в сторону, где восходит солнце, потом туда где садится, потом [окропляет] себя, и затем окружающих; женщины не допускаются к этому жертвоприношению, а только его Капитаны и Вожди [Casiques] той земли, ее уроженцы, чтобы учились делать то же самое.

И совершает это на площадке [plazuela] не слишком большого размера, которую имеет для этой цели за пределами своего города, со стеной, которая с внутренней стороны доходит до груди, а с наружной достигает двух эстадо; имеется два каменных алтаря посередине этой площадки, каковая имеет форму квадрата: один алтарь служит для обезглавливания младенцев, а другой для животных. И от одного края площадки начинается мощеная дорога [calzada], как улица, с такими же, как вокруг площадки, мощнейшими стенами, доходящими до груди, а с наружной стороны двух эстадо [в высоту], так что они видят тех, кто находится снаружи, и различают все.

Дорога имеет десять морских сажень в ширину и двадцать в длину, и ведет на другую площадь, почти такую как в городе Куско, где находится величественный и очень большой храм, так что внушает ужас [даже] войти в него, потому что столько там есть помостов [pulpitos] с одной и другой стороны, поставленных и пристроенных к боковым стенам храма, что удивительная это вещь подумать, какую власть имеет над ними нечистый в этом дьявольском ордене. Помосты [в высоту] доходят до пояса, круглые и широкие, так что один человек не может их обхватить, и наверху [находятся] их идол[ы] из свинца и олова: то есть, [идолы] Вождей [Casiques] и людей благородных; а [идолы] простых людей [сделаны] из дерева, все маленькие, одни в виде фигур обезьян, другие львов, иные змей, жаб, птиц и других животных, которых родит и вскармливает та земля. И под конец, уже у самой [задней] стены, не доходя до нее около двух морских сажень, находится величественный алтарь, вокруг которого поднимаются шесть подножий или ступеней до самого его верха, из отличного камня, и на алтаре находится идол наподобие выкорчеванного дерева с множеством корней, вида ужасного [cosa fiera], двух локтей в высоту: он [сделан] из пустотелого

серебра, тонкого, как реал, волосами идолу служат корни выкорчеванного дерева, нос у него искривленный и большой, два широко раскрытых глаза, большой рот с четырьмя страшными зубами, правая рука поднята, и в ней метла.

Не чтут Солнце, как их предки, которые чтили Солнце и поклонялись ему в Куско, потому что когда Король вступил в это Королевство, ему явился нечистый в этом обличии, метя землю там, куда он шел, и заговорил с ним и сказал: не бойся, потому что я Господин этой земли, говоря ему на языке кечуа, «*llastayoc micani*», что означает на языке Инков, *llastayoc* — Господин земли/страны; и если ты мне построишь храм, в котором хранилась память обо мне и о тебе, я тебе дам это мое Королевство в подчинение, то же самое, что сказал Спасителю в пустыне, и наказываю тебе не поклоняться Солнцу, а [только] мне. И потому первое, что он [Манго Инга] сделал, после того как завоевал несколько селений, взялся за строительство этого храма, между тем как нечистый подначивал на эту работу местных людей, так что в скором времени он был завершен. И там он [нечистый] стоит с метлою в руке.

Этот алтарь имеет в высоту две морские сажени, и в передней его части, со стороны входа в храм, находится этот идол, и вокруг находятся маленькие серебряные кувшины [*jarritos*], из которых все пьют в честь своих идолов, и нет им [идолам] числа.

Первым входит [в храм] Король, и подходит к идолу с правой стороны, а затем главные индейцы [*indios principales*]; когда подходит Король, неся младенца для подношения этому идолу, берут эти кувшины, и поднимается король, и кладет его [младенца] к ногам идола, и затем спускается и садится лицом к лицу с идолом, он [Король] в середине, а все остальные по всему храму, и пьет Король трижды в честь идола свой напиток, и затем в честь остальных идолов; за идолом сидит один Капитан, который пьет трижды, когда король поднимает кубок в честь идола; и этот Капитан, после того как все по порядку выпили в честь своих идолов, берет ребенка и хоронит его в пустой гробнице, которое служит для этой цели, и когда гробница закрыта, едят сырым барана [ламу] которого они принесли в жертву, и устраивают большую попойку на этой площади перед храмом, где уже находятся в сборе женщины города. И по этой причине не поклоняются Солнцу.

Этот первый Король распределил провинции между своими сыновьями, он уже умер, и остался Гуайнаапок, который тоже [вероятно] умер» (*Lizarazu 1906: 124–138*).

Повторяют в сокращенном виде и с некоторыми вариациями эту же информацию в рамках того же документа Лоренсо Кабальеро (Там же: 181) и Франсиско Санчес Грегорио (Там же: 189–190). Вероятно, они прочли текст Алькайи, прежде чем дать собственные сведения, либо были знакомы с этим рассказом ранее. Как уже упоминалось, он пользовался широкой известностью.

Это сообщение имеет прототипом устный рассказ, который, как мы видели, прошел через множество «рук» и может не без основания считаться фольклором. Тем не менее, фольклором совершенно иного типа, нежели современные версии о Пайтити. По аналогии с жанром «устной истории» можно назвать его «устной географией». Этот жанр в изобилии представлен в колониальных хрониках и представляет собою описание отдаленных мест, которые автор не имел возможности посетить и о которых повествует с чужих слов. Можно долго дискутировать о возможной достоверности подобных сообщений. В ее пользу говорят следующие факты:

1. В рассказе Алькаяги нет ни явных преувеличений, ни сверхъестественных и принципиально невозможных деталей. В то же время, наличествует множество деталей, которые едва ли могли родиться «из ничего», делающих его правдоподобным; более всего впечатляет описание главного храма. Аналогичные описания в других хрониках соответствуют реальным местам и получили вещественное подтверждение.

2. Описание пути Манго Инги прекрасно накладывается на реальную географию, которая в то время еще не была как следует известна испанцам. Проследив его маршрут по карте, можно судить, что он достиг Восточной Боливии, в районе современного города Санта Крус, затем шел на север вниз по течению реки Гуапай (приток Маморе), затем по Маморе до ее слияния с Гуапоре (Манатти), через которую построил мост, затем повернул на восток и поднялся на холмы Сьерры де Паресис (Восточная Бразилия, штат Рондония). К тому же заключению пришел Левилльер. Другие авторы сообщений из собрания Лисарасу непосредственно называют Сьерру де Паресис как местонахождение Пайтити. Среди них Херонимо де Вильярнао, священник экспедиции Гонсало Солиса Ольгина: «Сказали эти индейцы, которых называем Торокоси [Togocosis], что индейцы земель, которые лежат дальше [tierra adentro], имеют серебро, в основном те, которые, как мы полагаем, есть Инки, бежавшие из Пиру... И это может быть правдой также потому, что земля, которая находится дальше, отличается по климату, как это видели и испытали испанцы, которые около тридцати двух лет назад побывали в стране Паречес [Paraches], где нашли земли и провинции холодного климата, где обнаружили большие горные хребты и очень высокие холмы, которые находятся в этой стране. И что есть [там] индейцы Инки, это правда, согласно сведениям [noticia], которые имеются по этому поводу, каковые обитают у подножия большого холма, возле которого течет полноводная река, которую местные зовут Манатти» (Там же: 154–155).

Наиболее точные географические сведения приводит Васко де Солис: «Известия о Богатой Земле Мохос [Tierra Rica de los Mojos], где, как говорят, живут Инги и имеют в подчинении множество провинций, считаю правдивой, потому что слышал от старых солдат из Парагвая, то что рассказывали Парагвайские индейцы Гуарайи [Gu-

arayies], что они отправились открывать [новые земли] на Север, вниз по реке, называемой Манати, которая берет начало на склонах хребта Паречис [cordillera de los Parechis], с Западной стороны, и течет на Север: говорят, что эта река местами достигает лиги в ширину; на этом же хребте берет исток Рио де Ла Плата, которая течет на юг с Восточных склонов. Эти индейцы Гуарайи по пути все время сталкивались с дикими индейцами, одни из которых обитали в горах, другие на равнинах, и что им было больше проку от горных индейцев, потому что у них находили что грабить, а равнинные были бедными; и что эта река соединяется с Рио Гранде [rrio Grande], и отделяют эти реки Перуанский хребет [Анды] от [хребта] Паречис. И поднялись они на хребет Паречис, и увидели большие поселения; и схватили одну индеанку, которая вела барана [ламу], и она стала громко кричать, прося помощи, и названные Гуарайи потащили на себе ее и барана в свой лагерь, где на них напали Инки с пращами и камнями, что вынудило их к бегству, пуская вперед женщин и детей, пока не взобрались на гору, где устроили засаду, убивая Ингов, которые их преследовали; тогда [Инги] их оставили, и Гуарайи ушли в Парагвай» (Там же: 182–183).

3. Сведения, приведенные в этом сообщении, прошедшем через нескольких рассказчиков, находят явные параллели в сведениях, собранных авторами других сообщений того же собрания.

Алонсо Солето Перния, участник нескольких экспедиций, рассказывает о виденном собственными глазами в местности, которая считалась непосредственными подступами к Пайтити: «И вышли мы на дороги, и в месте, предназначенном для отдыха [descansadero] мы нашли множество выкорчеванных деревьев, поставленных корнями вверх, как бы говоря, смотрите, какова сила индейцев этой провинции, не ходите на наши земли. И на этих вырванных деревьях были нарисованы лики демонов, очень тонкой работы, так что мне подумалось, что это для того, чтобы поклоняться каждый раз, когда [индейцы] туда приходят» (Там же: 199). Сходное с этим описание повторяется еще раз в том же сообщении. По логике повествования, это другой эпизод, но вполне вероятно, что это неточность, и оба описания относятся к одному и тому же месту. Это описание явно напоминает нам главного идола, о котором говорит Алькайя. В другом месте у того же Алонсо Солето находим описание предмета, похожего на главный алтарь храма Пайтити: «Нашли мы возвышение / помост [pulpito] наподобие котла, и был он из круглого камня / скалы, и имел подъем, чтобы всходить наверх, высеченный в той же скале; и я поднялся наверх, чтобы рассмотреть его, и стал кричать сверху, и один индеец сказал мне, подавая знаки, что я должен спуститься, чтобы его бог не разгневался» (Там же: 201).

Большинство авторов упоминает безошибочно Инкские элементы в описаниях населения Сьерры де Паресис, которые они наблюдали сами, либо о которых слышали; среди них разведение лам, одежда из

хлопка и/или шерсти на инкский манер, наличие маиса и терок для его помола, пращи, металлические украшения (чаще всего упоминается серебро), дороги «широкие и чистые». В сообщении Санчеса Грегорио, в том же эпизоде с путешествием индейцев Гуарани, который изложен у Васко де Солиса, упоминается, что они видели «дома и корралы из тапии» (Там же: 190).

Завершив обсуждение «Сообщений Лисарасу», из которых мы приводим здесь лишь небольшие фрагменты, которые нам представляются наиболее важными, и обратимся к другим колониальным источникам. Рассказ, наиболее близкий к сообщению Алькайя, встречаем у Гарсиласо де ла Вега. Его труд «Королевские комментарии», вышедший в русском переводе под заглавием «История государства Инков» (Гарсиласо де Ла Вега 1974: 460–468) — это наиболее читаемая из перуанских хроник, но вызывающая больше всего недоверия среди специалистов (а также единственная, переведенная на русский язык). У Гарсиласо встречаем пространное описание инкской экспедиции на восток, явно переключившееся с рассказом, изложенным у Лисарасу, но обладающее несколькими существенными отличиями (вероятно, Гарсиласо был знаком с одним из отголосков этого рассказа):

1. Гарсиласо не упоминает названия Пайтити, вместо него использует «Мохос» и «Мусус».

2. Он относит экспедицию к временам Тупака Инки Юпанки, то есть, по меньшей мере, на поколение ранее, чем в версии Алькайи. Возможно, сыграло роль наложение другой версии, изложенной у Сармьенто де Гамбоа, которую приводим ниже.

3. Согласно Гарсиласо, экспедиция спускалась на плотках по реке Амарумайу, которая обычно отождествляется с Мадре-де-Дьос. Это принципиально иной маршрут, хотя в конечном итоге он приводит примерно в ту же зону: в северную часть Сьерры де Паресис. Вместе с тем, Гарсиласо упоминает, что послы, шедшие из Мохос в Куско, чтобы доложить об открытии Инке, «совершили огромный крюк, чтобы выйти к Коско» (Там же: 463). Возможно, речь идет о пути через Восточную Боливию, который считался наиболее легким, хотя и долгим (поход вверх по течению Мадре-де-Дьос — предприятие практически нереальное по тем временам).

Мы не приводим здесь текст Гарсиласо, потому что он доступен отечественному читателю.

Другой хронист, Педро Сармьенто де Гамбоа, автор, пользующийся большим авторитетом среди историков, в своем труде «История Индий», написанном по заказу Вице-Короля Франсиско де Толедо, в совершенно ином ключе описывает экспедицию, которую предпринял молодой Тупак Юпанки в восточную сельву в сопровождении Капитанов Оторонго Ачачи и Апу Куримачи: «...Поскольку горный лес был очень густ и полон кустарников, [они] не могли прорубиться через него, также не знали, как

добраться до селений, которые в большом числе были скрыты в горах. И для того чтобы их обнаружить, разведчики взбирались на самые высокие деревья, и где видели дым, в ту сторону указывали. И так шли, прорубая дорогу, пока не теряли [из виду] этот ориентир и не находили другой... Так вступил Топа Инга [Toza Inga] с названными капитанами в Анды, каковые есть горы ужасные и удивительные, с множеством рек, где [он] испытал величайшие лишения [trabajos], равно как и люди, которых он привел с собою из Пиру, из-за перемены климата [temple de tierra], потому что Пиру земля холодная и сухая, а Андские горы жаркие и влажные, воины Топа Инги болели, и многие умерли. И сам Топа Инга с третьей частью людей, которых он привел с собою для завоеваний, долгое время блуждали по горам, не находя им ни конца ни края [sin acertar salir a un cabo ni a otro], пока не встретился им Оторонго Ачачи [Otorongo Achachi] и не указал путь. Завоевал в тот раз Топа Инга и его капитаны четыре великих народа. Первым были индейцы, называемые Опатары [Opataries], и другой Маносуйо [Manosuyo], и третий, который зовут Маньяри [Macaries] или Янашиме [Yanaximes], что означает черноротые, и Речную провинцию [Provincia del Rio], и провинцию Чунчос [Chunchos]. И долго шел вниз по реке Тоно [Toño] и дошел до [племени] Чипонауа [Chiponauas]. И по дороге, которую ныне называют Камата [Camata], послал другого своего великого капитана Апо Куримаче [Apo Curimache], который направился на восход солнца и дошел до реки, о которой сейчас вновь приходят известия, называемой Пайтите [Paitite], где установил пограничные знаки [mojones] Топа Инги» (Levillier 1976: 7).

Краткое сообщение о той же реке Пайтити находим у Кристобала Ваки де Кастро в связи с завоеваниями Инки Пачакутека, отца Тупака Юпанки: «...Тех, кого не мог [покорить] войнами и оружием, приводил к покорности лестью и дарами, каковые были провинции Чунчос [Chunchos], и Мохос [Mojos], и Андес [Andes], вплоть до того, что имел крепости на реке Пайтите [Paitite] и гарнизоны в них» (Там же: 6).

Как видим, в данных случаях речь не идет о покорении новой страны, о ней не упоминается вовсе. Присутствует лишь топоним Пайтити как название реки. Тем не менее, если обратимся к другим топонимам, упомянутым в тексте, становится ясно, что путь экспедиции, описанной у Сармьенто, проходил по бассейну Мадре-де-Дьос. Река Тоно, хранящая это имя по сей день — это один из притоков верхнего течения Мадре-де-Дьос. Маносуйо, дословно «страна Мано» — это, несомненно зона другого притока той же реки, который в наши дни называется Ману. В тех же краях, как упоминает Гарсиласо, находится и местность Камата. Можно предположить, что загадочная «река Пайтити» — это все та же Манатти, она же Гуапоре, которая, по словам Васко де Солиса (см. выше), отделяла Анды от Сьерры де Паресис и служила естественным рубежом землям Пайтити. Возможно также, что это нижнее течение реки Маморе, в которую впадает Гуапоре и которая затем сли-

вается с Мадейрой. Дальнейшее изучение и сопоставление исторической топонимики и этнонимики, несомненно, внесло бы больше ясности в интерпретацию этих текстов.

Если мы возьмем на себя смелость предположить, что в основе всех этих сообщений лежит ядро достоверной исторической информации, то ее можно свести к следующим элементам:

1. В северной части Сьерры де Паресис (а возможно, также и в южной) во времена инков и, возможно, вплоть до XVIII века, существовала некая богатая и весьма высокоразвитая страна, протогосударство или союз племен.

2. С этой страной связаны топонимы Пайтити, Мохос и Мусус. Пайтити, если не являлся непосредственно ее названием, был важным местным топонимом (названием реки, холма, озера), либо именем собственным ее правителя.

3. Инки имели постоянные или спорадические контакты с этой страной. Выходцы из империи инков жили там, основали там колонии, а возможно, даже завоевали ее часть. Вместе с ними туда проникли инкские культурные элементы. После Конкисты инки мигрировали туда и некоторое время поддерживали там прежний уклад своей жизни, с поправкой на местные нормы. Можно говорить об инкском культурном анклав в Сьерре де Паресис.

4. В Пайтити вели три пути, соответствующие крупным водным артериям. Один из них пролегал через Восточную Боливию и шел по реке Маморе до впадения в нее Гуапоре, другой начинался к востоку от Куско и шел по Мадре-де-Дьос до слияния с Мадейрой, третий брал начало в Парагвае и шел вверх по течению реки Парагвай, а затем вниз по Гуапоре (Манатти). Этот путь упоминается в сообщении Васко де Солиса (см. выше), в рассказе о путешествии индейцев Гуарани; этим же путем следовало несколько испанских экспедиций в поисках Пайтити, хотя ни одна из них не достигла цели. Нетрудно заметить, что начала всех трех путей совпадают с зонами распространения современного фольклора о Пайтити. Возможно, этот фольклор вырос на основе существовавшего в прошлом сообщения с этой страной. Со временем реальный Пайтити «выветрился» из этих рассказов. Фольклорный Пайтити почти всегда помещается в непосредственной близости от места циркулирования сюжета, «за соседним холмом», можно сказать, что у каждого поселка есть свой Пайтити. Тем не менее, нельзя исключать существование единого реального прототипа, лежащего на слиянии этих трех путей.

В историко-этнографической литературе Пайтити часто помещается в регионе Восточной Боливии, называемом Равнины Мохос (Llanos de Mojos) (Metraux 1963: 408–424). Эту низменную, местами болотистую местность населяли в эпоху Конкисты и населяют до сих пор, наряду с другими племенами, индейцы Мохос, принадлежащие к аравакской языковой семье. Эта этническая группа хорошо известна с колониаль-

ных времен благодаря миссионерским документам (см. Anonymous 1743; Altamirano 1891; Castillo 1906). В XVII и XVIII веках там активно действовали иезуиты. К 1715 году на землях Мохос действовали 15 католических миссий. Индейцы Мохос вызывали симпатии миссионеров своей «цивилизованностью»: они носили хлопчато-бумажную одежду и обильные металлические (серебряные) украшения, жили в крупных поселениях и развили высокую инженерно-сельскохозяйственную технологию. Этот последний аспект их культуры был в полной мере оценен лишь в 1960-е годы, когда регион стал изучаться с археологических позиций (ранее там предпринимались лишь эпизодические археологические исследования Эрландом Норденшельдом в 1910-х годах — Nordenskiöld 1916, 1918). Первые специальные публикации на эту тему появились в 1960-х годах (Denevan 1966, 1970). Подлинный размах инженерных сооружений Мохос стал известен благодаря их обследованию и съемке с воздуха, которые проводились с конца 1950-х годов по инициативе геолога Кеннета Ли (Lee 1979). В последние годы интенсивные исследования проводились на землях Мохос и родственных им индейцев Бауре археологом Кларком Эриксоном из Университета Пенсильвании. Его проекты направлены на фиксацию и консервацию обширных археологических зон и на возрождение древних сельскохозяйственных технологий, доказавших свою эффективность (Erickson 1995, 1998, 2000). Среди памятников Мохос и Бауре выделяются укрепленные поселения, окруженные рвами и палисадами; искусственные водохранилища, многие из которых имеют правильные прямоугольные очертания; каналы, служившие сельскохозяйственным целям, а также в качестве путей сообщения; дороги на невысоких искусственных валах, что предотвращало их затопление в дождливые сезоны; грядковые поля, которые по результатам недавних сельскохозяйственных экспериментов оказались настолько продуктивными, что способны были прокормить население, во много раз превышающее современное население Льянос де Мохос.

Авторы, которые отождествляют «Мохос» с «Пайтити» на основании данных хроник, не принимают в расчет различие между современным и колониальным значениями названия *Мохос*. Современная территория Мохос (Льянос де Мохос) — это низменности в бассейне реки Маморе. В колониальную эпоху, когда географические познания европейцев об этих местах были более чем туманными, наименование *Мохос* было гораздо более широким и неопределенным. Одним из наиболее значимых и ранних по времени источников об этой местности являются отчеты об экспедиции Гонсало Солиса Ольгина из «Сообщений» Хуана Лисарасу, которые мы неоднократно цитировали. Участники этой экспедиции, спускаясь по Маморе, достигли Льянос де Мохос и видели поселения индейцев, которые в хронике называются Торос и которые, несомненно, составляли часть исторических Мохос. Практически каждый

отчет начинается стандартной формулой: «Подлинный рассказ об открытии Торос, Мохос или Пайтити...». Это вступление действительно создает впечатление, что земли, обнаруженные Солисом Ольгином, и были легендарным Пайтити. Тем не менее, в самих повествованиях о путешествии название *Paititi* не употребляется применительно к открытым землям и племенам. Их называют *Мохос* или *Торос*. Слово *Paititi* возникает вновь лишь в связи с «сообщением об Инках-беженцах» (*noticia de incas refugiados*), которое повторяется в нескольких отчетах, помимо красочного рассказа Санчеса Алькаяги. Все эти версии прямо или косвенно указывают, что местонахождением этих «Инков-беженцев» была северная часть Сьерры де Паресис. В нескольких случаях эта местность прямо упоминается под этим названием. Туда не дошла не только экспедиция Солиса Ольгина, но и ни одна другая конкистадорская экспедиция. Все это наводит на мысль, что в колониальном употреблении названия *Мохос* следует выделять «Мохос-Льянос де Мохос», что соответствует его современному значению, и «Мохос-Пайтити» — соседнюю холмистую местность на противоположном берегу реки Гуапоре. На деле Пайтити составлял лишь часть территории, называемой *Мохос*, но эти два названия могли употребляться как синонимы, так что конкистадоры, достигшие Мохос, могли считать себя вправе объявить об «открытии Мохос или Пайтити».

Существует еще один аргумент в пользу различия между «Льянос де Мохос» и «Пайтити». Помимо Маморе, другим водным путем, ведущим туда, считалась река Мадре-де-Дьос. Мы уже упоминали описанную Гарсиласо инкскую экспедицию, которая на плотках спустилась по Амарумайу (Мадре-де-Дьос) и достигла страны Мусус или Мохос. Достоверность Гарсиласо неоднократно подвергалась сомнению, тем не менее, стоит также учесть, что испанцы несколько раз предпринимали походы вниз по этой реке в поисках Мохос или Пайтити (наиболее знаменита экспедиция Хуана Мальдонадо). Это означает, что слухи об этом пути в колониальное время были изобильны. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять, что путешествие в район Льянос де Мохос по Мадре-де-Дьос — затея бессмысленная. В этом случае Мохос или Пайтити должен находиться где-то в другом месте. В то же время, следует отметить, что низовья Мадре-де-Дьос при ее впадении в Бени находятся в непосредственном соседстве с северными отрогами Сьерры де Паресис (или Серра дос Пакаас Новос).

В наши дни Сьерра де Паресис, несмотря на свою территориальную близость к Льянос де Мохос, в культурном и этническом плане совершенно отлична. Возможно, в этом сыграла роль разница в климатических условиях. Правый берег Гуапоре населен многочисленными мелкими племенами. Лингвистическая карта этого района демонстрирует пеструю комбинацию языковых семей тупи (аруа, макурап, уайоро и др.), же (ябути, арикапу) и карибской (пальмелла, ныне исчез-

нувшие), наряду с изолированными языковыми группами (чапакура и др.) Индейцы чапакура, вероятно, мигрировали из Льянос де Мохос, и их предки неоднократно упоминаются участниками экспедиции Солиса Ольгина в «Сообщениях» Лисарасу под именем Тапакура. Аравакская языковая семья, к которой принадлежат мохос, на правом берегу Гуапоре не представлена. Некоторые племена практиковали каннибализм, что до недавнего времени отталкивало колонизаторов. Клод Леви-Стросс во время своего путешествия в Бразилию посетил расположенные сравнительно неподалеку территории индейцев намбиквара. В последующие годы он написал краткую статью «Индейцы правого берега реки Гуапоре» для Справочника Южноамериканских Индейцев (Levi-Strauss 1963). В этой статье он охарактеризовал регион как «один из наименее изученных в Бразилии». Он также указал, что местные племена сильно пострадали в эпоху каучукового бума. Разумеется, со времен статьи Леви-Стросса ситуация с изученностью этого региона несколько изменилась. В последние годы появились этнологические и лингвистические исследования, преимущественно об индейцах уари (Everett, Kern 1997; Conklin 2001 и др.) Тем не менее, зона остается сравнительно слабо исследованной с этнологической точки зрения. В настоящее время значительную часть интересующей нас части Сьерры де Паресис занимает Национальный парк Пакаас Новос, основанный в 1979 году.

Современные этнографические данные, принимая в расчет их скудость, не показывают никакой видимой связи с колониальными сообщениями о Пайтити. Следует иметь в виду, что этническая и культурная картина с тех пор могла совершенно измениться. Связующим звеном, содержащим недостающую информацию, могут оказаться португальские источники поздней колониальной эпохи (XVIII века), времен, когда эти территории осваивались с бразильской стороны (Goncalves 1874 и др.) Обратим внимание на одну интересную деталь. В том же Справочнике Южноамериканских индейцев (т. 3, с. 284) имеется карта «Племена Центральной Бразилии», составленная Куртом Нимуэндажу, где помимо современных этнических групп обозначены исчезнувшие, известные лишь по этноисторическим документам. На правом берегу Гуапоре, в северной части Сьерры де Паресис, можно заметить наименование «патити» с датой 1769. Из какого источника почерпнул Нимуэндажу эту информацию, нам пока неизвестно, но сам факт существования такого источника все-таки оптимизм.

Реальность существования Пайтити в Сьерре де Паресис могут категорически подтвердить или опровергнуть только детальные археологические исследования в этой зоне. Насколько нам известно, до настоящего времени бразильскими археологами не предпринималось попыток провести такие исследования, скорее всего из-за сложных географических и климатических условий и удаленности от городских центров. Также

следует отметить, что в Бразилии в целом интерес к этой теме гораздо слабее, чем в Перу, Боливии и Парагвае. Археологические разведки могут дать ощутимые результаты, только если в зоне имеются остатки каменной архитектуры. В противном случае шансы на успех ничтожны, так как в сельве любой другой археологический материал быстро разрушается, либо его крайне трудно обнаружить, и существование Пайтити так и останется неразрешенным вопросом. Тем не менее, хочется надеяться, что такие исследования будут осуществлены в ближайшем будущем и прольют свет на эту проблему.

Литература

- Гарсиласо де Ла Вега*. История государства инков / Пер. со староисп. В. А. Кузьмищева. Л.: Наука, 1974. 747 с. (Сер. Лит. памятники).
- Altamirano D. F.* Historia de la mision de Mojos (ca. 1710) // *Documentos historicos de Bolivia: Historia de la mision de los Mojos*, 1891. 199 p., VI.
- Anonymous. Extract of a Spanish Relation containing the Life and Death of Father Cipriano Barace of the Society of Jesus, Founder of the Mission of Mojos in Peru (ca. 1703) // *Travels of the Jesuits into Various Parts of the World*. London: John Noon, 1743. 2. P. 437–468.
- Cartagena N. et H.* Paititi: dernier refuge des Incas. Paris: Editions Robert Laffont, 1981. 209 p.
- Castillo J.* Relación de la provincia de Mojos // *Documentos para la historia geográfica de la República de Bolivia compilados y anotados por Manuel V. Ballivián*. Serie primera. Época colonial. Vol. 1. La Paz, 1906.
- Conklin B. A.* Consuming grief: compassionate cannibalism in an Amazonian society. 1st ed. Austin (Tex.): Univ. of Texas Press, 2001. 285 p., xxxi.
- Denevan W. M.* The Aboriginal Cultural Geography of the Llanos de Mojos of Bolivia. Berkeley: Univ. of California Press, 1966. 185 p., X.
- Denevan W. M.* Aboriginal Drained-Field Cultivation in the Americas // *Science* 1970. No. 169. P. 647–654.
- Erickson C.* Archaeological Methods for the Study of Ancient Landscapes of the Llanos de Mojos in the Bolivian Amazon // *Archaeology in the Lowland American Tropics: Current Analytical Methods and Applications* / Ed. by Peter Stahl. Cambridge, 1995. P. 66–95.
- Erickson C.* Applied Archaeology and Rural Development: Archaeology's Potential Contribution to the Future // *Crossing Currents: Continuity and Change in Latin America* / Ed. by M. Whiteford and S. Whiteford. Upper Saddle (NJ), 1998. P. 34–45.
- Erickson C.* Lomas de ocupación en los Llanos de Moxos // *Arqueología de Tierras Bajas* / Ed. por Alicia Durán Coirolo y Roberto Bracco Boksar. Comisión Nacional de Arqueología, Ministerio de Educación y Cultura. Montevideo (Uruguay), 2000. P. 207–226.

- Everett D. L., Kern B.* Wari: the Pacaas Novos language of western Brazil. London; New York: Routledge, 1997. 512 p., xviii.
- Goncalves da Fonseca J.* Primeira exploração dos rios Madeira e Guapore... em 1749 // Memórias para a história do extinto estado do Maranhão. Rio de Janeiro, 1874. Vol. 2.
- Lee K.* 7 000 años de historia del hombre de Mojos: agricultura en pampas estériles: informe preliminar. Trinidad: Univ. Beni; Univ. Técnica del Beni, 1979.
- Levillier R.* El Paititi, El Dorado y las Amazonas. Buenos Aires: Emece Editores, 1976. 304 p.
- Levi-Strauss C.* Tribes of the right bank of the Guapore river // Handbook of South American Indians. New York: Cooper Square Publishers, 1963. Vol. 3. P. 371–379. (Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology; Bulletin 143).
- Lizarazu J.* Informaciones hechas por Don Juan de Lizarazu sobre el descubrimiento de los Mojos // Maurtua, Victor M. Juicio de Limites entre el Peru y Bolivia. Prueba Peruana Presentada al gobierno de la República Argentina. Madrid, 1906. Vol. 9. P. 124–212.
- Metraux A.* The Mojo and Baure. Tribes of Eastern Bolivia and the Madeira Headwaters // Handbook of South American Indians. New York: Cooper Square Publishers, 1963. Vol. 3. P. 408–424. (Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology; Bulletin 143).
- Nordenskiöld E.* Die Anpassung der Indianer an die Verhältnisse in den Überschwemmungsgebieten in Südamerika // Ymer. Stockholm, 1916. No. 36. P. 138–155.
- Nordenskiöld E.* Palisades and «Noxious Gases» among the South American Indians // Ymer. Stockholm, 1918. No. 38. P. 220–243.
- Ortiz R. A.* De Adaneva a Inkarrí. Una Visión Indígena del Perú. Lima: Retablo de Papel, 1973. 189 p., XIII.
- Polentini Wester J. C.* Por las Rutas del Paititi. Lima: Editorial Salesiana, 1979.
- Tennant J.* Quest for Paititi: a journey into unexplored Peru. London: Max Parrish, 1958. 203 p.
- Urbano H.* Las tres edades del mundo. La idea de utopía y de historia en los Andes // Mito y simbolismo en los Andes: La figura y la Palabra / Compilador Henrique Urbano. Cusco, 1993. P. 283–304.